

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД И ПРОБЛЕМА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ.

Ответ А.Б. Синельникову

Аннотация. Отвечая на вопросы А. Синельникова, автор ответа подчеркивает необходимость рассматривать проблему рассогласования демографических интересов индивидов и общества как частный случай давно известной и изучаемой социологами проблемы социального порядка. Представление о том, что, участвуя в жизни общества, социализированные индивиды могут вести себя так, как им заблагорассудится, социологически наивны. Автор ответа исходит из представлений об обществе как о самоорганизующейся системе и трактует демографический переход как классический пример такой самоорганизации, спонтанный ответ системы на исторически обусловленное нарушение равновесия рождаемости и смертности. Он считает мифической угрозой глобальной депопуляции, но в то же время признает серьезность проблемы сокращения населения для многих постпереходных стран. Единственным решением этой проблемы для них может оказаться прием иммигрантов.

Ключевые слова: демографический переход; демографический баланс; демографический взрыв; депопуляция; социальный порядок; семейная политика; демографическое саморегулирование.

Для цитирования: *Вишневский А.Г.* Демографический переход и проблема демографического саморегулирования. Ответ А.Б. Синельникову // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 4. С. 93–104. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6820

Уважаемый Александр Борисович, спасибо за добрые слова о моей книге, а также за Ваши вопросы. Вы пишете, что, возможно, они порождены тем, что Вы не вполне понимаете мою позицию. Скорее всего, так оно и есть, некоторые мои мысли Вы излагаете неточно. Но предоставим читателю самому судить об этом и сосредоточимся на вопросах, которые Вы мне задаете. Я попытаюсь ответить на них, но все же после небольшой преамбулы.

Ваша озабоченность низкой рождаемостью не нова. Более двух тысяч лет назад древнегреческий историк Полибий писал. «В наше время всю Элладу постигло бесплодие женщин и вообще убыль населения, так что города обезлюдели, пошли неурожай, хотя мы и не имели ни войн непрерывных, ни ужасов чумы... Дело в том, что люди испортились, стали тщеславны, любостыжательны и изнеженны, не хотят заключать браков, а если и женятся, то не хотят вскармливать прижитых детей, разве одного-двух из числа очень многих, чтобы этим способом оставить их богатыми и воспитать в роскоши; отсюда-то в короткое время и выросло зло...

Вишневский Анатолий Григорьевич — доктор экономических наук, директор, Институт демографии НИУ ВШЭ.

Адрес: 109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3.

Телефон: +7 (495) 772-95-90 доб. 11801. **Электронная почта:** avishnevsky@hse.ru

Первый встречный сумеет сказать, что лучше всего нам самим исправить собственные склонности или по меньшей мере законом обязать родителей вскармливать своих детей» [7, с. 299–300].

Спустя более двух тысяч лет снижение рождаемости во Франции вызвало примерно те же, что и у античного историка, жалобы на испорченность людей, не способных понять высшие интересы. «Встречается... эгоизм, который заставляет людей видеть в детях только дополнительные расходы и неудобства... И можно заметить, что такой эгоизм играет все большую и большую роль: мы видим, что среди линий поведения, которым могут следовать люди, все чаще выбираются те, что связаны с более последовательным ограничением рождаемости» [4]. Исходя из своего понимания причин снижения рождаемости, французский демограф А. Ландри призывал проводить пронаталистскую политику, ставил в пример «популяционистские законы» римского императора Августа и хотя и признавал, что принятие таких законов может натолкнуться на народное непонимание, считал, что «когда речь идет об интересах, касающихся жизни человечества», нельзя жалеть усилий на преодоление возникающих трудностей [13, с. 98, 105]. Народному непониманию призывал противостоять и последователь Ландри Альфред Сови, который полагал, что «познания [людей] в области сложного процесса воспроизводства населения слишком поверхностны для того, чтобы стремление выполнить свой моральный долг могло обеспечить демографическое равновесие». «Если провиденциальное равновесие с течением времени может приобрести некоторую устойчивость, то это произойдет лишь в результате того, что люди, чье назначение состоит в том, чтобы служить орудиями достижения этого равновесия, останутся верными своей миссии» [8, с. 226–227]. Такими людьми некоторые демографы, как и Сови, считают себя.

Скорее всего, упомянутые французские демографы не были знакомы с мнением английского социолога Герберта Спенсера, который придерживался иной позиции. Он не только предсказывал снижение рождаемости в результате взаимодействия противоположно направленных сил, задолго до того, как это снижение началось и попало в поле зрения Ландри и Сови, но и предупреждал. «Нужно только, чтобы вышеупомянутые действия и противодействия не встречали себе каких-либо искусственных препятствий. Я обращаю особое внимание на эту ограничивающую оговорку и специально на ней настаиваю; ибо подобные действия и противодействия, как до настоящего времени, так и теперь, встречают вмешательство со стороны правительства, а при наличии такого вмешательства в будущем, они могут замедлить, если не совсем остановить дальнейшую эволюцию, которая в противном случае осуществилась бы сама» [10, с. 307]. Спенсер вообще не особенно доверял правительствам. Когда речь идет о «подчинении менее нужного более нужному», писал он, «суждению правительства нельзя вполне доверять». «Обществу должна быть предоставлена свобода почувствовать, в чем оно более всего нуждается. Способ решения должен быть экспериментальный, а не теоретический». Поиски гражданами путей «устранения первоначально наибольшей несообразности» могут затрудняться привычками и предрассудками людей, но такие поиски «все-таки гораздо более надежны, чем суждения законодателей» [9, с. 1150–1203].

Раз уж мы заговорили о Спенсере, нельзя не вспомнить о социологии вообще. Дело в том, что помимо науки демографии, которая занимается близкими Вам, как и мне, проблемами рождаемости, есть еще и наука

социология, о чем, в частности, свидетельствует название факультета и кафедры, где Вы работаете, и даже название журнала, на страницах которого мы обсуждаем сейчас проблемы низкой рождаемости как порождения человеческого эгоизма и забвения нашими современниками их более общих интересов. «Третьи дети как минимум в каждой второй семье, — пишете Вы, — необходимы государству для воспроизводства населения, но основной массе семей они просто не нужны». Так и хочется продолжить Ваши размышления словами Полибия: люди испортились... и т. д. — см. в начале этой заметки — и воззвать к государству — Левиафану, чтобы оно, наконец, навело порядок. Но как только мы это осознаем, мы оказываемся уже не на почве демографии, а на почве социологии.

Ведь при всей важности демографического поведения — это всего лишь один из видов социального поведения людей. В таком поведении всегда присутствуют частные интересы индивидов, которые, несмотря на то, что они могут быть очень разными, даже противоположными, все же каким-то образом согласуются с интересами общества как единого целого — иначе как бы оно могло существовать? Вопрос о том, как происходит такое согласование, — один из центральных вопросов социологии, и если на него есть общий ответ, то он верен и для демографии.

Думаю, Вам приходилось слышать о «невидимой руке рынка» Адама Смита, читать о «разумном эгоизме» у Чернышевского. А ведь это — лишь отдельные примеры обращения к необъятной теме поддержания социального порядка в обществе атомизированных индивидов, которая находится в центре внимания социальной мысли по меньшей мере со времен Гоббса. Демографы — Вы не единственный — ничего не желают об этом знать и самостоятельно строят свои доморощенные теории вроде теории «уменьшения потребности в детях» и т. п. Я думаю, что если бы мы последовали совету Полибия и обратились за советом к первому встречному, подобные теории получили бы мощную поддержку.

Но может ли согласиться с ними современная социологическая наука?

В середине XVIII в. немецкий протестантский пастор Иоганн Петер Зюссмильх опубликовал свой знаменитый трактат «Божественный порядок в изменениях рода человеческого, подтверждаемый его рождениями, смертями и размножением» [14]. Он был человеком своего времени, к тому же священником, по его представлениям, о поддержании демографического порядка заботилось Провидение. Понятное дело, что Провидение не допустило бы столь пугающей Вас депопуляции.

Но светская социология, не обращаясь к Высшему разуму, тоже отнюдь не отказывается от признания надиндивидуальных сил, управляющих поведением людей, она лишь по-иному понимает их природу. «Кант постулирует Бога, потому что без этой гипотезы мораль непонятна, — писал Э. Дюркгейм. — Мы постулируем общество, специфически отличающееся от индивидов... Нужно выбирать между Богом и обществом... Этот выбор оставляет меня довольно равнодушным, так как в божестве я вижу лишь общество, преобразованное и осмысленное в форме символов» [12, р. 74–75].

Убежденность в том, что, участвуя в жизни общества, социализированные индивиды в массе своей могут вести себя так, как им заблагорассудится, социологически наивна. Такая наивность как раз и характерна для многих демографов, которые убеждены, что только их, демографов, вмешательство может исправить неверное поведение современных родителей и наставить их

на путь истины. Чтобы избавиться от этой затянувшейся наивности, демографам следовало бы лучше знать современные представления о принципах управления в сложных системах и о природе социального порядка, который предполагает и «демографический порядок».

Именно поэтому в моей книге (это ведь учебный курс) появляются имена Клода Бернара и Уолтера Кеннона, Людвиг фон Берталанфи и Норберта Винера, Макса Вебера и Толкотта Парсонса. Отталкиваясь от работ этих и ряда других авторов, мало знакомых потребителям чисто демографической литературы, я и прихожу к выводу о системной природе демографического перехода, который обеспечивает *восстановление* равновесия рождаемости и смертности, утраченного в результате небывалого снижения смертности, а отнюдь не приводит к *нарушению* этого равновесия вследствие неограниченного падения рождаемости, как многим кажется.

Такой вывод отличается от вывода Адольфа Ландри и его многочисленных последователей, к которым относитесь и Вы. Наблюдая падение рождаемости во Франции, а затем и в других европейских странах, Ландри утверждал в самом начале XX в., что «в этом идущем на наших глазах движении, как бы низко мы ни опустились, мы не видим дна» [13, р. 191]. Он считал, что «при современном демографическом режиме больше нет равновесия» [13, р. 53], и в этом видел итог демографической революции. Я, как, впрочем, и большинство современных исследователей, придерживаюсь противоположной точки зрения. Именно демографическое равновесие — конечная цель демографического перехода.

Демографический переход длится не один день, охватывает весь мир, проходит через разные этапы. Это — целая эпоха в истории человечества. Мы живем в эту эпоху, и, разумеется, для нас не безразличны перемены, которые она приносит в нашу жизнь. Но это не значит, что наша реакция на них должна быть панической. Если бы представление Ландри о том, что падение рождаемости во Франции «не имеет дна», было верным, этой страны уже не было бы на карте Европы. Между тем сейчас с точки зрения рождаемости это одна из самых успешных европейских стран. На это Вы можете возразить, что во Франции существует эффективная семейная политика, дружественная по отношению к семьям с детьми, — и будете правы. Однако как ни высока по современным меркам рождаемость во Франции (коэффициент суммарной рождаемости 1,9 в 2017 г.), она все же довольно далека от того, что требуется хотя бы для простого воспроизводства населения (2,12 рождения на женщину), а в терминах реальных поколений недавно была близка к этому, но сейчас снижается. Несмотря на политику.

Демографическая история и демографическая теория — это не одно и то же. Теория вырабатывает обобщенные представления о наблюдаемых процессах, об их закономерных изменениях, о внутренней логике таких изменений. Демографическая история имеет дело с фактически наблюдаемыми процессами, в которых эта логика реализуется в условиях постоянного взаимодействия демографических процессов с множеством других — социальных и природных, закономерное испытывает неизбежное влияние случайного. Задача исследователя заключается в том, чтобы отделить одно от другого, абстрагироваться от случайного, понять закономерное, а затем применить достигнутое понимание к интерпретации живой реальности со всеми ее случайностями. В теории все нередко бывает глаже, чем в истории, но из этого еще не следует, что теория неверна.

* * *

После такого необходимого вступления попытаюсь, Александр Борисович, ответить на Ваши вопросы. Я несколько перегруппировал их, чтобы избежать повторений в ответах.

1. *Считаете ли Вы, что первый и второй демографические переходы пройдут все страны мира?*

Вы могли заметить, что выражение «второй демографический переход» у меня везде берется в кавычки. Я не считаю его самостоятельным переходом, это лишь один из этапов единого демографического перехода. Демографический переход — всемирно-исторический процесс, который, безусловно, пройдут все страны. Сейчас уже точнее сказать: *проходят* все страны, потому что в мире нет ни одной страны, где бы этот переход еще не начался.

2. *Как Вы представляете себе «демографическую самоорганизацию» на уровне всего человечества?*

На современном этапе истории демографическая самоорганизация на уровне всего человечества, как и на уровне отдельной страны, заключается в приведении уровня рождаемости в соответствие с резко снизившимся уровнем смертности и восстановлении таким образом нарушенного демографического баланса.

Сейчас «на уровне всего человечества» этот баланс нарушен очень резко, о чем свидетельствует продолжающийся уже не одно десятилетие глобальный демографический взрыв. Его всемирный характер, как и то, что он происходит только за счет развивающихся стран, сами по себе лишают смысла Ваш первый вопрос. Демографический переход начинается с резкого снижения смертности, если бы оно не происходило, не было бы и «взрыва». Сейчас ни в одной самой глухой стране мира не найти такой младенческой смертности, какая была в России еще в 1950 году.

Идет и ответное снижение рождаемости, но с разной скоростью, так как во многих развивающихся странах оно в большей или меньшей степени тормозится все еще сохраняющими немалый вес элементами социальной архаики. По мере того как эта архаика изживается и развивающиеся общества модернизируются, — а сейчас это происходит почти повсеместно, — ускоряется и демографический переход, который сам становится очень важной частью общей модернизации.

Тем не менее зазор между снизившейся смертностью и снижающейся, но все еще высокой рождаемостью пока сохраняется — отсюда и «взрыв». Он-то и представляет сейчас главную демографическую опасность на уровне всего человечества, а не мифическая депопуляция, о которой Вы пишете.

Демографические прогнозы ООН исходят из того, что к концу нынешнего века (средний вариант прогноза) или даже в середине века (низкий вариант) рождаемость во всем мире снизится до уровня простого замещения поколений, и демографический взрыв пойдет на спад. Есть и высокий вариант прогноза, который предполагает, что рост мирового населения продолжится и за пределами XXI века. Но и он предполагает снижение рождаемости, только более медленное.

3. *Считаете ли Вы, что депопуляция — это закономерная позитивная реакция демографической системы на перенаселение, то есть на нарушение экономического и/или экологического баланса во всем мире?*

Я не случайно назвал депопуляцию, к которой Вы все время возвращаетесь, мифической. Напомню некоторые цифры. За всю историю человечества,

продолжавшуюся многие десятки тысячелетий, до начала современного демографического перехода, то есть практически до начала XIX в., численность населения мира выросла до 1 млрд человек. Затем рост населения ускорился, в частности за счет демографического взрыва в Европе, где в это время разворачивался демографический переход. Планки в 2 млрд человек население мира достигло примерно к 1930 г. В середине XX века в мире жило 2,5 млрд человек. Сейчас число жителей нашей планеты приближается к 8 млрд — увеличение на 5,5 млрд человек за 70 лет! Согласно уже упомянутому среднему варианту новейшего (2019 г.) прогноза ООН, вследствие постепенного ослабления дисбаланса рождаемости и смертности — за счет снижения рождаемости в развивающихся странах — этот рост замедлится, но все же к концу века население мира увеличится до 11 млрд, то есть еще на 3 миллиарда человек [15, File POP/1-1].

Существует, правда, и более оптимистический (с Вашей точки зрения, возможно, напротив, — пессимистический) вариант прогноза ООН, предполагающий ускорение демографического перехода в развивающихся странах. По этому варианту восстановление нарушенного демографического баланса произойдет уже к середине нашего столетия, с 2055 г. население мира начнет сокращаться и к концу века вернется примерно к уровню 2015 г. — 7,3 млрд человек.

Вы называете такое развитие событий началом «глобальной депопуляции» и предсказываете, что если так пойдет и дальше, то «человечество вымрет за несколько столетий». Видимо, меньше, чем на 11 миллиардов человек в 2100 г., Вы не согласны.

Не стану с Вами спорить, просто изложу свою точку зрения. Мне кажется, что современный демографический взрыв чреват огромными нежелательными последствиями, небывалыми рисками для человечества — экономическими, экологическими, военно-политическими и т. д. Они могут поставить под угрозу само существование земной цивилизации намного раньше, чем обезлюдение мира, вытекающее из Вашей простенькой экстраполяции нынешних тенденций рождаемости, вследствие каковых, как Вы предполагаете, «человечество вымрет за несколько столетий».

Поскольку я не заглядываю так далеко и вижу достаточно серьезные риски по эту сторону горизонта, я уверен, что как можно более скорое прекращение роста населения Земли отвечает интересам всех живущих на ней людей. Более того, я полагаю, что и 9 миллиардов человек, которые будут достигнуты к 2054 г. согласно ужаснувшему Вас угрозой вымирания «низкому» варианту прогноза ООН, — это слишком много для нашей планеты. Последующее сокращение мирового населения без каких бы то ни было катаклизмов, сопряженных с огромными подъемами смертности, а только за счет более низкой рождаемости, то есть за счет суженного, а не расширенного воспроизводства населения, было бы благом.

Такой вариант развития событий как раз и предполагает распространение современной «европейской» низкой рождаемости на весь мир. Оно уже происходит довольно быстро везде, пока, может быть, за исключением Африки, но рано или поздно оно ускорится и здесь. Демографический переход в развивающихся странах — «догоняющий», он идет ускоренными темпами, благодаря «эффекту лыжни», опирается на заимствование готовых технологий и социальных образцов, столетиями вырабатывавшихся в европейских странах. Все признают значение европейского опыта, когда речь

идет о снижении смертности. Но этот опыт не менее важен и тогда, когда в мировую повестку дня входит необходимость снижения рождаемости.

Если рассматривать этот же вопрос на уровне отдельных стран, то ответить на него становится сложнее. Ваше утверждение, что «третьи дети как минимум в каждой второй семье необходимы государству для воспроизводства населения, но основной массе семей они просто не нужны», не кажется мне убедительным. Государство — слуга общества, а не наоборот, а «основная масса семей» — это и есть общество. В то же время понятно, что у государства могут быть «эмерджентные», не сводимые к потребностям отдельных людей потребности и функции, выполнение которых требует значительных человеческих масс (например, для строительства пирамид или для ведения войн). Но если речь идет просто о нехватке людей, то в современных условиях рождаемость — не единственный источник пополнения их числа. Этой теме посвящен Ваш следующий вопрос.

4. *Считаете ли Вы, что в современном мире миграция из одних стран в другие перестала быть механизмом демографической саморегуляции?*

Ни в коем случае не считаю и ясно пишу об этом в книге. В ней говорится, что мы стоим на пороге глобального миграционного взрыва и что это порождает очень серьезные проблемы. «Проблемы миграции будут оставаться в глобальной повестке дня на протяжении всего XXI в., и они будут в значительной мере формировать и повестку дня мировой политики. Эта политика должна будет отвечать на миграционный вызов в условиях и масштабах взаимодействия между разными частями человечества, с какими история еще не сталкивалась» [1, с. 305].

5. *Если депопуляция является реакцией [на перенаселение], то какой механизм саморегуляции повысит рождаемость до уровня простого замещения и стабилизирует численность населения мира после того, как оно сократится до оптимальной величины, рассчитанной экологами и/или экономистами?*

Рассуждая теоретически, можно предположить, что в какой-то — достаточно отдаленный — момент будущего проблема замедления роста мирового населения (называемого Вами депопуляцией) утратит свою сегодняшнюю актуальность и на первый план выйдет озабоченность его недостаточным ростом. Вы спрашиваете, какой механизм саморегуляции повысит рождаемость до уровня простого замещения и стабилизирует численность населения мира после того, как оно сократится до оптимальной величины, рассчитанной экологами и/или экономистами.

Я думаю, что экологи и экономисты здесь ни при чем. Известно — и об этом говорится в моей книге, — что демографический переход начала семья, обнаружившая, что увеличившееся число выживающих детей перестало соответствовать экономическим условиям и социальным установлениям своего времени. Это была спонтанная массовая реакция населения на изменившиеся обстоятельства. Механизмы уменьшения потомства были разными, они варьировались по странам. Это могли быть и участвовавшие детоубийства, и «подбрасывание» детей, и аборт, и искусственное удлинение периода лактации, и распространение некоторых практик избегания зачатия, и поздняя «европейская» брачность и т. д. В общем виде этот вопрос рассматривается в известной статье Кингсли Дэвиса 1963 года о демографических изменениях и ответах на них в новейшей истории [11]. Важно, что поиск наиболее подходящих способов снижения рождаемо-

сти вели сами семьи, обычно при противодействии государства и церкви (а Вы, Александр Борисович, так верите в государство!). Положение изменилось только во второй половине XX в., когда — в странах «догоняющего» демографического перехода — заинтересованность в снижении рождаемости проявили правительства, а иногда и религиозные авторитеты, и инициатива в «планировании семьи» перешла к ним.

Если в будущем — достаточно отдаленном — приобретет реальную актуальность повышение рождаемости в глобальных масштабах, то, скорее всего, это тоже первыми почувствуют семьи, и рождаемость повысится. Я не думаю, что для этого понадобится какой-то специальный механизм. Это задача даже отдаленно не сопоставимая с той, которая решается при снижении рождаемости в процессе демографического перехода.

100 российских женщин, родившихся в 1866–1870 гг., дали жизнь в среднем 720 детям (7,2 ребенка на одну женщину) [2, с. 157]. 100 россиянок, родившиеся век спустя, в 1965–1969 гг., произвели на свет всего 164 ребенка [3, с. 16]. Если бы их было не 164, а 212, у Вас, видимо, не было бы вопросов, ибо в этом нельзя было бы усмотреть признаков «депопуляции». Из общего снижения за сто лет на 5,6 рождения в расчете на одну женщину Вас волнуют только 0,5 рождения, которые «недобирает» средняя россиянка, не обеспечивающая поэтому простого воспроизводства населения. Арифметика правильная, а логика — нет. В истолковании социальных перемен не всегда помогает даже высшая математика.

Снижение числа рождений на 5–6 детей в расчете на одну женщину — впервые в истории и за очень короткое время — это слишком большое изменение, чтобы его можно было свести просто к арифметике. Оно потребовало глубокой качественной перестройки всей системы социального контроля рождаемости, существовавшей на протяжении столетий и тысячелетий, трансформации института семьи и семейной морали, множества других изменений, которые пронизывают нашу жизнь, хотя, может быть, не все они до конца осознаны. Глубина этих перемен и дала мне основания говорить о разных *исторических типах* социальной детерминации рождаемости и о том, что переход к ее новому типу несет огромный выигрыш для общества. Таков лейтмотив моей книги. Именно в силу огромных — в общесоциальном плане — конкурентных преимуществ рождаемости современного типа к ней и переходят все новые и новые страны. Демографическая политика лишь подталкивает их на уже проложенную «лыжню».

Когда же речь идет не о переходе от одного исторического типа рождаемости к другому, а лишь о росте или снижении числа детей у женщин в рамках однотипной «постпереходной» рождаемости и о порядке величин, не превышающих в среднем одного ребенка на женщину, а как правило, даже меньших, то это не предполагает серьезных качественных изменений, скорее речь может идти о количественной реакции на меняющуюся конъюнктуру, для этого никаких особых механизмов не нужно.

Женщины, семьи в своей массе прекрасно чувствуют эту конъюнктуру — экономическую, политическую и т. д. — и реагируют на нее выбором числа рождаемых детей, как правило, в очень ограниченном диапазоне. Какая-то часть женщин — по разным причинам — остается бездетной, всегда есть и какая-то доля многодетных семей, но сейчас все решают женщины, имеющие от 1 до 3 детей. Например, в России, по данным пе-

реписи населения 2010 г., среди женщин 50–59 лет, уже закончивших свою репродуктивную деятельность, около 90% родили за свою жизнь от 1 до 3 детей [6, с. 219]. Сравнительно небольшого сдвига в сторону повышения доли двух- и трехдетных семей достаточно, чтобы повысить рождаемость до уровня простого воспроизводства. Если этого не происходит — и не происходит ни в одной стране, пережившей демографический переход, — то на то должны быть какие-то серьезные причины, более серьезные, чем те, какие можно устранить с помощью семейной политики.

Это не значит, что такая политика не нужна, она нужна для облегчения жизни семьям с детьми, для снижения бедности и т. п., и в этом смысле ее можно только приветствовать и нужно всячески развивать. Но все это едва ли приведет к повышению рождаемости, возможно потому, что «конъюнктура», которую явно или неявно учитывают семьи, принимая решение о рождении или не рождении детей, включает в себя гораздо большее число факторов и обстоятельств, чем то, на которое способны повлиять меры семейной политики.

6. *Считаете ли Вы, что демократический критерий прав личности на выбор любого жизненного пути, включая безбрачие и бездетность, совместим с демографическим критерием необходимости выживания общества?*

7. *Какой из этих критериев должен быть приоритетным для демографов?*

«Демократический критерий прав личности» — это фраза из политического словаря, к которому в данном случае нет необходимости прибегать. Я говорю о вещах более глубоких. Главная идея заключается в том, что демографические перемены, объединяемые термином «демографический переход», объективно резко расширили свободу индивидуального демографического выбора просто потому, что теперь прежний демографический результат не требует от женщины прежнего числа рождений. Выживание общества при этом не ставится под сомнение, проблемы выбора приоритетов здесь нет.

Если говорить о прокреативном выборе, то демографический переход сделал его не только возможным, но и необходимым — иначе у нас была бы сейчас такая рождаемость, как в Африке или как в дореволюционной России. Традиционная высокая рождаемость при низкой смертности опасна. Если женщины или супружеские пары не рожают детей по принципу «сколько Бог пошлет», то они обязаны делать выбор и должны уметь его делать и реализовывать.

Вопрос о безбрачии и бездетности — надуманный. В России, как и в других развитых странах, сейчас действительно имеется какое-то число людей, не вступающих в брак (зарегистрированный или нет) или живущих вне брака после его расторжения, есть и бездетные. Такие люди были всегда. Вспомните Ломоносова, писавшего о монашестве, что от него «приращению народа немалая отрасль пресекается» и требовавшего «клобук запретить мужчинам до 50, а женщинам до 45-ти лет» [5, с. 388].

Но если обратиться к сегодняшним цифрам, то, например, доля женщин в возрасте 45–49 лет, никогда не состоявших в браке, по данным переписи 1979 г., составляла 4%; по переписи 1989 г., — 3,5%; 2002 г. — 4,5%; 2010 г. — 5,1%; по микропереписи 2015 г., — 5,3% [3, с. 107]. То же и с бездетностью. Доля женщин, не родивших к возрасту 45–49 лет ни одного ребенка, по переписи 1979 г., — 9,9%; по переписи 1989 г., — 7,9%; 2002 г. — 5,8%;

2010 г. — 6,5%, по микропереписи 2015 г., — 6,9% [3, с. 217–219]. Никакой устрашающей динамики не видно.

8. *Считаете ли Вы, что сама по себе саморегуляция, без мер демографической политики, может остановить не только рост населения, но и его убыль (депопуляцию), вызванную низкой рождаемостью?*

По-видимому, Вы как-то по-своему понимаете саморегуляцию общества. Разве демографическая политика приходит откуда-то извне? Это один из возможных механизмов саморегуляции, один из многих, но далеко не самый главный. Семья, дети — это часть жизненных планов человека, которые формируются у него с детства. Социализуясь, он получает от общества множество сигналов — через воспитание, через культуру, через наблюдаемые образцы поведения и образа жизни; так складывается иерархия его ценностей, которая, в принципе, соответствует их иерархии на уровне общества. Может ли ее изменить, например, введение материнского капитала? В лучшем случае пронаталистская политика может незначительно усилить или ослабить некоторые сигналы, и без того получаемые человеком от общества, — только и всего.

9. *Считаете ли Вы, что любые меры по повышению рождаемости до уровня простого замещения заведомо будут неэффективными?*

Очень многие европейские страны на протяжении долгого времени предпринимали попытки с помощью самых разных мер поднять рождаемость до этого уровня. Ни в одной из них он так и не был достигнут. Какое значение может иметь мое или Ваше мнение на фоне этого опыта?

10. *Если Вы считаете, что ни саморегуляция, ни демографическая политика не могут остановить депопуляцию в нашей стране, а в перспективе — и во всем мире, то каким путем надо решать эту проблему?*

Если эта проблема обнаружится в мировом масштабе, то это произойдет лет через 300. Позвольте мне сейчас не отвлекаться на ее решение.

Если же говорить о России, то для нее, как и для большинства развитых стран, проблема естественной убыли населения актуальна уже сейчас. Согласно среднему варианту демографического прогноза ООН, в Европе к середине нынешнего века небольшой естественный прирост населения сохранится только в двух странах — Норвегии и Швеции; в остальных, включая и Россию, он будет отрицательным [15, File POP/3].

С моей точки зрения, убыль населения России крайне нежелательна. Но при отрицательном естественном приросте избежать ее можно только за счет притока населения извне. А для этого нужна выверенная, последовательная иммиграционная политика. Чтобы у Вас не создалось впечатление, что обращение к миграционной политике вступает в противоречие с идеей демографического саморегулирования, подчеркну, что в современном глобализованном мире все страны и континенты представляют собой систему сообщающихся сосудов. В этих условиях, хотим мы этого или не хотим, миграция неизбежно становится важнейшим внутрисистемным регулирующим механизмом.

Крупномасштабная международная миграция — непростой процесс, далеко небезопасный, она может принимать разные, в том числе весьма угрожающие, формы. Но именно потому, что она — неустранимый регулятор уже сложившихся и все еще нарастающих глобальных демографических дисбалансов, она должна рассматриваться как один из главных «больших вызовов» XIX века. Она, а не привидевшаяся Вам глобальная депопуляция.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Вишневский А.Г. Демографическая история и демографическая теория: Курс лекций / А.Г. Вишневский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 368 с. DOI:10.17323/978-5-7598-1706-2
2. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое изд-во, 2006. — 608 с.
3. Захаров С.В. Скромные демографические результаты пронаталистской политики в контексте долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 2 // Демографическое обозрение. 2017. № 3 (4). С. 6–26. DOI: 10.17323/demreview.v3i4.3203
4. Ландри А. Демографическая революция // Демоскоп Weekly. 22 сентября – 5 октября 2014. № 611–612 [электронный ресурс]. Дата обращения 10.11.2019. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0611/nauka02.php>
5. Ломоносов М.В. [О сохранении и размножении русского народа] // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 381–403.
6. Население России 2016. Двадцать четвертый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С. Захаров. М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. — 447 с.
7. Полюбий. Всеобщая история в сорока книгах: В 3-х т. Т. III. Кн. XXVI–XL / Пер. с греч. Ф.Г. Мищенко, с его предисловием, примечанием, указателем, картами. М.: Изд. наследн. А.Г. Кузнецова, 1899. — 785 с.
8. Сави А. Общая теория населения. Том 2: Жизнь населений / Пер. с франц. Ф.Р. Окуновой. М.: Прогресс, 1977. — 519 с.
9. Спенсер Г. Чрезмерность законодательства // Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Том III / [Пер. с англ. под ред. Н.А. Рубакина]. Минск: Современный литератор, 1999. С. 1150–1203.
10. Спенсер Г. Основания биологии. Том II / Общая ред. Н.А. Рубакина; Пер. под ред. Н.Н. Страховского. Киев – СПб. – Харьков: Южно-Русское книгоиздательство Ф.А. Иогансона, 1899. — 380 с.

Дата поступления: 14.10.2019.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2019.
VOL. 25. No. 4. P. 93–104. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6820

A.G. VISHNEVSKY

HSE Institute of Demography (IDEM), Moscow, Russian Federation.

Anatoly G. Vishnevsky — Doctor of Economic Sciences, Professor, Director, HSE Institute of Demography (IDEM). **Address:** 3, Bolshoy Tryokhsvyatitskiy Pereulok, 109028, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (495) 772-95-90 * 11801.
Email: avishnevsky@hse.ru

DEMOGRAPHIC TRANSITION AND THE PROBLEM OF DEMOGRAPHIC SELF-REGULATION. ANSWER TO A.B. SINELNIKOV

Abstract. This response emphasizes the need to consider the problem of the mismatch of demographic interests of individuals and society as a special case of the problem of social order that has long been known and studied by sociologists. The idea that socialized individuals can behave as they please when participating in the life of society is sociologically naive. The author of the reply proceeds while bearing in mind the notion that society is a self-organizing system, and interprets the demographic transition as a classic example of such self-organization, a spontaneous historically determined response to the imbalance in fertility and mortality. He considers the threat of global depopulation

to be a myth, but at the same time recognizes the seriousness of the problem of population decline for many post-transition countries. For them the only solution to this problem may be immigration.

Keywords: demographic transition; demographic balance; population explosion; depopulation; social order; family policy; demographic self-regulation.

For citation: Vishnevsky A.G. Demographic Transition and the Problem of Demographic Self-Regulation. Answer to A.B. Sinelnikov. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2019. Vol. 25. No. 4. P. 93–104. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6820

REFERENCES

1. Vishnevsky A.G. *Demograficheskaya istoriya i demograficheskaya teoriya: Kurs lektsii*. [Demographic History and Demographic Theory: Course of lectures.] Moscow: Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki publ., 2019. 368 p. (In Russ.) DOI:10.17323/978-5-7598-1706-2
2. *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000*. [Demographic modernization in Russia, 1900–2000.] Ed. by A.G. Vishnevsky. Moscow: Novoe izdatel'stvo publ., 2006. 608 p. (In Russ.)
3. Zakharov S.V. The modest demographic results of pronatalist policy against the background of the long-term evolution of fertility in Russia. *Demographic Review*. 2017. No. 3 (4). P. 6–26. (In Russ.) DOI: 10.17323/demreview.v3i4.3203
4. Landry A. Demographic revolution. *Demoscope Weekly*. September 22 – October 5, 2014. No. 611–612. Accessed 10.11.2019. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0611/nauka02.php> (In Russ.)
5. Lomonosov M.V. [On the conservation and reproduction of the Russian people.] Lomonosov M.V. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 6: Trudy po russkoi istorii, obshchestvenno-ekonomicheskim voprosam i geografii. 1747–1765 gg.* [Complete works. Vol. 6: Proceedings of Russian History, Socio-Economic Issues and Geography. 1747–1765.] Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR publ., 1952. P. 381–403. (In Russ.)
6. *Naselenie Rossii 2016. Dvadsat' chetverti ezhegodnyi demograficheskii doklad*. [Russia's population in 2016. 24th annual demographic report.] Ed. by S. Zakharov. Moscow: Izd. dom VShE publ., 2018. 447 p. (In Russ.)
7. Polybius. *Vseobshchaya istoriya v soroka knigakh: V 3-kh t. T. III. Kn. XXVI–XL*. [General history in forty books: In 3 Vols. Vol. III. Book. XXVI–XL.] Transl. from Greek and Pref. by F.G. Mishchenko. Moscow: Izd. nasledn. A.G. Kuznetsova publ., 1899. 785 p. (In Russ.)
8. Sauvy A. *Obshchaya teoriya naseleniya. Tom 2: Zhizn' naselenii*. [General theory of population. Vol. 2. The life of the populations.] Transl. from French by F.R. Okuneva. Moscow: Progress publ., 1977. 519 p. (In Russ.)
9. Spenser G. Over-Legislation. Spenser G. *Essays: Scientific, Political, and Speculative. Vol. III*. [Russ. ed.: *Opyty nauchnye, politicheskie i filosofskie. Tom III*.] [Transl. from Eng.; Ed. by N.A. Rubakin]. Minsk: Sovremenniy literator publ., 1999]. P. 1150–1203].
10. Spenser G. Principles of biology. Vol. II. [Russ. ed.: *Osnovaniya biologii. Tom. II*.] Transl. from Eng.; Ed. by N.A. Rubakin, N.N. Strakhovskii. Kiev – St Petersburg – Khar'kov: Yuzhno-Russkoe knigoizdatel'stvo F.A. Iogansona publ., 1899. 380 p.] (In Russ.)
11. Davis K. The theory of change and response in modern demographic history. *Population Index*. 1963. Vol. 29. No. 4. P. 345–366.
12. Durkheim E. *Sociologie et philosophie*. Paris: PUF, 1963. 144 p.
13. Landry A. *La révolution démographique. Études et essais sur les problèmes de la population*. Paris: INED, 1982. 227 p.
14. Süßmilch J.P. *Die Göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts, aus der Geburt, dem Tode und der Fortpflanzung desselben erwiesen*. Berlin: J.C. Spener, 1741. 356 p. (In Germ.) DOI: 10.1007/bf02809353
15. World Population Prospects 2019. *United Nations. DESA. Population Division*. Accessed 15.10.2019. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/>

Received: 14.10.2019.